

НЕ ПРОТИВ БОЯР

Если же внимательней приглядеться к политике опричнины, то мы увидим, что считать ее направленной против бояр нет оснований. "Как? - спросит читатель, хорошо знакомый с литературой. - Ведь все знают, что царь Иван казнил бояр".

Как часто развитие науки опровергает многочисленные "все знают". Так произошло и на этот раз. С. Б. Веселовский специально изучил состав казненных в годы опричнины. Естественно, составить полный список жертв царского гнева невозможно. Прежде всего потому, что до нас дошли лишь небольшие фрагменты архивов XVI века: множество ценнейших документов погибло в огне "великих пожаров" - 1571, 1611, 1626 годов. Историкам

приходится подчас пользоваться лишь косвенными показаниями источников. Например, внимательно изучают опись документов государственного архива, составленную тогда, когда многие из не сохранившихся в наше время документов еще не были утрачены, но не всегда вразумительным заголовкам пытаются догадаться, что же было написано в самом источнике.

Имена казненных мы знаем по Синодику, но там порой названы лишь имена, а не фамилии, ибо для церковного поминания было важно только имя, полученное при крещении. Кое-что извлекаем из сочинений Курбского, записок иностранцев, из летописей. Впрочем, официальная (и наиболее подробная) летопись доведена лишь до 1567 года. Потом стала слишком быстро меняться политическая конъюнктура, слишком часто те, кто еще вчера ходил в приближенных государя, оказывались подлыми изменниками; составителям было, вероятно, непонятно, что же теперь можно писать, а что нельзя. Страшно было промахнуться, написать то, что вроде нужно сегодня, но может стать преступным завтра. Историк же должен проверить и сопоставить сведения, извлеченные из разных источников.

Остановимся на результатах кропотливого исследования С.Б. Веселовского. Естественно, среди пострадавших много бояр. Прежде всего потому, что они стояли близко к государю и легче навлекали на себя его гнев. *"Кто был близок к великому князю, тот ожигался, а кто оставался вдали, тот замерзал"*, - пишет Штаден. К тому же казнь знатного боярина была куда заметнее, чем гибель рядового служилого человека, не говоря уже о "посадском мужике", боярском холопе или крестьянине. Например, боярин Иван Петрович Федоров в Синодике упомянут среди казненных по имени, его же "люди" (холопы) чаще всего названы скопом: *"Отделано Ивановых людей 20 человек"*, *"В Бежицком верху отделано Ивановых людей 65 человек"*. И тем не менее, по подсчетам Веселовского, на одного боярина или человека из Государева двора *"приходилось три-четыре рядовых землевладельца, а на одного представителя класса привилегированных служилых землевладельцев приходился десяток лиц из низших слоев населения"*. Издавна верной опорой централизации справедливо считали аппарат приказов - дьяков и подъячих. Но их среди казненных - великое множество. *"При царе Иване, - писал Веселовский, - служба в приказном аппарате была не менее опасным для жизни занятием, чем служба в боярах"*. Получается парадоксальная ситуация: террор направлен, кажется, против бояр, но гибнут в большинстве люди из других социальных групп.

С.Б. Веселовский и А.А. Зимин рассмотрели также состав политических эмигрантов-"бегунов". Часто можно встретить утверждение: бояре изменяли и бежали за рубеж, например Курбский. Этим "например" исчерпывается список не только членов Боярской думы, но и вообще аристократов, бежавших из России в предопричные и опричные годы. Террор против бояр, а бегут дворяне!

Наконец, состав самого Опричного двора. Существует распространенный стереотип: царь Иван приближал к себе новых, безродных людей. Сам Иван Грозный способствовал созданию этой легенды. В послании к попавшему в крымский плен недавнему опричнику Василию Грязному он писал: *"...отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды"*. Итак, царь резко противопоставляет изменников-бояр *страдникам* (страдник - пашенный холоп), которых он выдвигает к руководству. Но ведь сам Василий Григорьевич Грязной, отпрыск старинного рода ростовских архиепископских бояр Ильиных, был отнюдь не страдником, хотя и к аристократии его не отнесешь. Да и термин "страдник" царь употреблял весьма широко, используя скорее как ругательство. В одном из посланий он назвал страдником даже шведского короля (см. об этом ниже).

Царские филиппики против бояр сильно отдают демагогией.

Как же обстояло дело в действительности? В свое время автор этих строк специально изучал состав опричных руководителей, который показательнее, чем состав всего достигавшего 5-6 тысяч человек опричного корпуса: ведь между рядовыми *"воинниками"* из опричнины и из земщины не могла возникнуть существенная разница. Приступая к работе, я был полностью во власти традиционных представлений об опричнине как об учреждении, созданном для борьбы против боярства и выдвижения на первые роли дворян. Однако исследование привело к неожиданным выводам: среди новых слуг царя Ивана было множество отпрысков аристократических родов. Да и создало опричнину, как уже отмечалось, старомосковское боярство, представителями которого были те "злые люди", по "совету" которых царь якобы создал опричнину, - В.М. Юрьев и А.Д. Басманов. Правда, мало кто из стоявших у колыбели опричнины дожил до ее отмены, многие стали жертвами своих собратьев по царской опричнине. Но и те, кто пришел после "смены караула", были в значительной своей части аристократами.

Вообще по составу руководителей историю опричнины можно разделить примерно на два этапа. Сначала ее возглавляли отец и сын Басмановы, князь Афанасий Вяземский (отпрыск сильно размножившейся и находившейся на грани утраты княжеского титула ветви смоленских князей, потерявшей к тому же все владения в родовом гнезде), князь Михаиле Темрюкович Черкасский. Среди опричных бояр были князья Василий Андреевич Сицкий и Василий Иванович Темкин-Ростовский, нетитулованные аристократы из Бутурлиных, Чеботовых, Колычевых, Пушкиных... Многие из них были связаны родством и свойством друг с другом и с первыми двумя женами царя. Как уже отмечалось, князь М.Т. Черкасский женился на двоюродной племяннице царицы Анастасии; на сестре Анастасии был женат князь В.А. Сицкий, их дочь была женой

Ф.А. Басманова. На этот тесно сплоченный родственный кружок и падают опалы и казни после смерти Марии Темрюковны. Если Черкасский и Басмановы погибают, то В.А. Сицкому удалось пережить тяжелое время, однако и он тогда оказался в опале. Вместе с ними подверглись тогда репрессиям и близкие к ним люди.

На смену приходят другие. Малюта Скуратов и Василий Грязной, до того известные лишь тем, что были рьяными исполнителями смертных приговоров, получают чины думных дворян, то есть входят в состав Боярской думы. Они фактически возглавили тогда опричнину.

Вместе с тем тогда же в опричнину входит немало титулованных аристократов. Многие из них оказались связанными с погибшим старицким князем. Так, опричным боярином стал родной брат умерщвленной вместе с мужем старицкой княгини князь Никита Романович Одоевский, один из самых могущественных земельных магнатов XVI века, сохранявший в своих руках (вместе с Воротынскими) Одоевское княжество на юго-западе от Москвы, в верховьях Оки. Племянниками Владимира Андреевича Старицкого по женской линии были князья Петр и Семен Данилович Пронские. Петр был к тому же боярином у Владимира Андреевича. Опричным воеводой стал после казни князя Владимира его троюродный брат и дворецкий князь Андрей Петрович Хованский.

Откуда вдруг взялось такое доверие к вассалам казненного старицкого князя, к его родне? Остается только гадать, но думается, с известной долей вероятности можно предположить, что подозрительный до мнительности царь должен был располагать какими-то доказательствами личной преданности ему этих людей, прошлое которых не внушало доверия. Таким доказательством мог быть инспирированный царем ложный донос на своего родича и господина, помогший расправиться с удельным князем. Не продала ли родня старицкого князя грозному царю своего невезучего родственника?

Но старицкими боярами не ограничивается круг аристократов, ставших опричниками после 1570 года. Тогда же в опричнину вошли потомки великого князя литовского Гедимина князь Федор Михайлович и Никита Романович Трубецкие, принадлежавшие к самой верхушке аристократии и сохранившие владения в своем бывшем уделе - Трубчевском княжестве. Думается, этих фактов достаточно, чтобы убедиться, что худородность, "демократичность" состава опричнины - миф. Тем более что и менее знатные деятели опричнины - Черемисиновы-Карауловы, Нащокины (Роман Алферьев и Михайло Безнин) вплоть до Малюты Скуратова и Василия Грязного с их многочисленной родней были выходцами из того же Государева двора, то есть из верхушки господствующего класса, что и земские воеводы.

Таким образом, опричный двор принципиально не отличался ни от доопричного, ни от современного ему земского. Но вместе с тем некоторые различия существовали. Здесь, например, было больше иноземных выходцев (из Германии, Великого княжества Литовского, с Востока), людей, лишенных корней в стране, а потому более послушных исполнителей воли царя.

Дело не в том, были ли опричники выходцами из иной, чем земские, социальной группы. Существенно другое: они - личные слуги царя, готовые на все для исполнения любого его самого грязного поручения. Этому помогала гарантия безнаказанности. Штаден сообщает, что, учредив опричнину, царь послал в земщину приказ: *"Судите праведно, наши виноваты не были бы"*. Эти слова Штаден написал латинскими буквами по-русски (*"Sudite praveda, nassi winowath ne boly by"*), - свидетельство того, что он сам их слышал. Разумеется, не из уст царя. Возможно, царь и не отдавал такого приказа, а Штаден передает лишь слух. Но такой слух рождается не на пустом месте, он возникает из осмысления жизненной практики. А ее-то Штаден знал прекрасно. Тем больше доверия вызывает его дальнейший рассказ:

"Любой из опричных мог... обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не видел обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит... Опричники устраивали с земскими такие штуки, чтобы получить от них деньги или добро, что и описать невозможно".

Штаден хорошо знал, о чем пишет. Пока он еще не стал опричником, его жульнически обобрал другой немецкий выходец, уже служивший в опричнине, Каспар Эльферфельд. Впрочем, через некоторое время Штаден, успевший вступить в опричнину и заслужить милости царя, сумел в отместку засадить Эльферфельда в тюрьму, где тот и умер.